

Образ СССР в Италии конца 40-х годов XX века

Зонова Т. В.

Образ СССР в глазах итальянцев на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее окончания носил противоречивый характер. Подобное положение, видимо, можно объяснить следующими факторами. Широко распространенное эмоционально положительное восприятие советской политики подкрепляла все более очевидная роль Советского Союза в разгроме национал-социализма и фашизма. Росту симпатий к России во многом способствовала и возросшая роль левых сил, прежде всего, коммунистов и социалистов, с оружием в руках боровшихся против фашизма.

В Италии особое значение имел так называемый «поворот Салерно». Речь идет о возвращении главы итальянских коммунистов П. Тольятти из Москвы в Италию в апреле 1944 года. Разработанная Тольятти, с подачи Сталина, новая тактика коммунистов предполагала отказ от революционного захвата власти, неопременного свержения монархии и установление конструктивного сотрудничества с католическим движением (политика «протянутой руки»). И, как следствие, это означало преодоление противостояния между монархией, главой правительства маршалом Бадольо и антифашистскими партиями, входившими в комитеты национального освобождения (КНО). «Салернский поворот» открыл путь к созданию многопартийных правительств, отражавших расстановку политических сил после отставки и ареста Муссолини и подписания перемирия в сентябре 1943 года.

Более тесные отношения с СССР становились неким козырем в «реалполитик» новых правительств в стране, скомпрометировавшей себя массовой поддержкой фашистского режима. Постфашистские правительственные коалиции получили, таким образом, поле для маневра. Они обеспечивали себе возможность сохранения хотя бы некоторой самостоятельности в условиях англо-американской оккупации¹. Сближение с Советским Союзом давало надежду на достижение больших уступок со стороны Черчилля и Рузвельта и на смягчение жестких условий перемирия.

За развитие отношений с СССР активно выступали и деловые круги Италии. Их привлекала главным образом возможность возобновления закупок в России дешевого сырья: твердого и жидкого топлива, лесоматериалов, зерновых. Создавались предпосылки

и для развития культурных связей. К концу 1944 г. в Риме по инициативе группы интеллектуалов было создано Общество культурных связей между Италией и СССР. Заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов ратовал за восстановление в Риме торгпредства, которое, как предполагалось, на начальном этапе будет продвигать на итальянский рынок кинофильмы и книги.

Итальянский посланник в Москве Пьетро Кварони составлял список советских книг для перевода на итальянский язык. Генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел Ренато Прунас² в своих беседах с советскими представителями неоднократно возвращался к вопросу о подписании двустороннего культурного соглашения, обмене студентами, делегациями и т.д.³

Все более тесные отношения коммунистической и социалистической партий с Москвой неоднократно находили видимое подтверждение. Так, еще в 1944 г. левые доказали свою способность организовать более сотни собраний и митингов, с энтузиазмом приветствовавших советскую профсоюзную делегацию.

Ватикан, по традиции резко критиковавший атеистические установки советского режима, тем не менее, в том же 1944 г. предпринял попытки установить с Москвой дипломатические отношения⁴. Особое место в исследуемый период занимает процесс дипломатического признания Италии советским правительством. В марте 1944 г. Советский Союз выступил в роли первого государства Антигитлеровской коалиции, которое установило отношения с послефашистской Италией. Это событие вызвало чрезвычайно положительный отклик в итальянском общественном мнении. Правда, на первых порах в условиях оккупации Италии союзными войсками эти отношения получили название не дипломатических, а «непосредственных». Стороны обменялись посланниками, при этом вручение верительных грамот не предусматривалось.

В дипломатической переписке того времени итальянские дипломаты приписывали инициативу признания Советскому Союзу, советские — Италии. Обе стороны прекрасно отдавали себе отчет в том, что реакция англо-американцев на такой шаг вряд ли будет положительной. Действительно, посол США в

Советском Союзе А. Гарриман весьма резко реагировал на сообщения о предстоящем признании СССР Италии и призывал Вашингтон дать понять Сталину, что подобная акция нанесет ущерб союзническим отношениям⁵.

Генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел Ренато Прунас утверждал, что с просьбой об установлении отношений к нему обратился А. Я. Вышинский. Последний был тогда представителем СССР в Консультативном совете по вопросам Италии. Но советский посол А. Е. Богомолов в своих донесениях ссылался на настойчивые обращения именно итальянской стороны о немедленном установлении отношений⁷.

Архивы подтверждают, что именно итальянцы проявили инициативу в установлении отношений, умело лавируя между членами антигитлеровской коалиции. Первая встреча Прунаса и Вышинского состоялась 8 января 1944 г. Причем Прунас передал Вышинскому заранее подготовленное итальянским правительством официальное обращение для передачи в Москву. В документе говорилось, что итальянское правительство, с пониманием относясь к огромным военным заслугам русского народа и исходит из того, что Россия является сейчас и будет являться в будущем решающим фактором мировой политики. Оно изъявляет готовность с позиций реализма установить контакт непосредственного взаимного общения. В служебной записке Прунаса, подготовленной для главы кабинета Бадольо указывалось на чинимые ранее этому шагу «некоторые препятствия со стороны англо-американцев»⁸.

Накануне опубликования сообщения об установлении отношений между Италией и СССР Прунас весьма настороженно ожидал реакции англо-американцев. В ходе одного из дипломатических обедов он открыто сокрушался по поводу того, что советская сторона, несмотря на его настойчивую просьбу, отказалась в тексте документа взять на себя ответственность за эту инициативу⁹.

Действительно, в появившемся на следующий день информационном сообщении «Правды» было заявлено, что 7 марта правительство маршала Бадольо обратилось к Советскому правительству с просьбой об установлении непосредственных отношений между Советским и Итальянским правительствами. В сообщении также содержалось согласие Советского правительства на установление непосредственных отношений между обоими правительствами и на обмен представителями¹⁰. Бадольо горячо благодарил СССР за помощь в деле обретения Италией автономии и суверенитета¹¹. В октябре 1944 г. дипломатическое признание последовало и со стороны Англии и США. Вслед за этим отношения между СССР и Италией были подняты до уровня полных дипломатических отношений.

Между тем, опасения Прунаса насчет негативной реакции на установление отношений с СССР со

стороны Мейсона-Макфарлейна, начальника военной администрации союзников и главного комиссара Союзной контрольной комиссии в Италии, подтвердились. От имени Верховного главнокомандующего союзными силами британский генерал заявил: «Итальянское правительство не имеет права вступать в какие-либо соглашения с каким бы то ни было иностранным государством, как союзным, так и нейтральным, без согласия на то Верховного главнокомандующего союзными силами... Командующий оккупационными войсками имеет право, исходя из соображений безопасности, контролировать отношения итальянского правительства со всеми другими странами»¹².

В ответном послании маршал Бадольо назвал эти обвинения свидетельством «дальнейшего ужесточения условий перемирия, или, в лучшем случае, все более рестриктивной и нелиберальной интерпретацией его статей». Ни одно правительство, продолжал Бадольо, не может в течение долгого времени терпеть подобные расширяющиеся, унижительные, а главное, бесплодные ограничения»¹³.

Реакция некоторых итальянских политиков на действия правительства была также весьма критичной и, прежде всего, отражала противоречия, существовавшие между Комитетами национального освобождения и правительством Бадольо. Высказывалось опасение, что дипломатическое признание Италии со стороны СССР приведет к стабилизации власти маршала Бадольо в ущерб авторитету КНО. Тольятти вынужден был разяснять, что действия СССР, напротив, лишь укрепят позиции левых сил.

Конечно, действия итальянского правительства были нацелены в первую очередь на выход из сложной ситуации, в которой оказалась страна после заключения перемирия. Бадольо и король Виктор Эммануил не сумели добиться облегчения условий перемирия. Союзники печатали деньги и обменивали их на итальянскую валюту безо всяких ограничений и комиссионных сборов. Они контролировали все связи правительства Бадольо с итальянскими представительствами за рубежом. Им был обеспечен доступ к любой информации, касающейся частной и государственной собственности в Италии. Итальянский исследователь С. Романо считает, что даже по сравнению с британскими колониями и протекторатами в Азии и на Ближнем Востоке итальянское государство пользовалось меньшей властью¹⁴.

Как уже отмечалось, деловые круги Италии были крайне заинтересованы в развитии отношений с СССР. Итальянцы предложили направить в Москву нескольких торговых представителей. Прунас, продолжая свою политику лавирования, подчеркивал, что установление торговых отношений между СССР и Италией лишит англичан и американцев монополии на итальянском рынке. Он советовал также пригласить в СССР итальянских инженеров и рабочих для восстановления промышленности. Через советского посла в Риме он сообщал Москве, что

США стараются завладеть правом поставки нефтепродуктов, принадлежавшим итальянской компании «Аджи», и намекал, что Италия надеется на помощь СССР в сохранении независимости. «Возрождение Европы, — говорил Прунас, — должно произойти с Востока, его принесет новая могучая сила — Советский Союз». Оговариваясь, что это только его личные и конфиденциальные высказывания, генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел уверял, что Италия никогда не будет занимать позицию против Советского Союза и его интересов¹⁵.

Надеясь на то, что СССР окажет давление на союзников с целью смягчить условия перемирия 1943 г., Прунас упорно пытался убедить советских представителей, что «Италия всегда отдает предпочтение СССР перед Америкой и Англией, потому что русские более культурны и благоразумны и их поведение в странах, бывших союзниками Гитлера, резко контрастирует с поведением англичан и американцев в Италии»¹⁶.

Российский исследователь И. Хормач справедливо считает, что советский посол в Италии М. А. Костылев в своих донесениях в Москву явно занижал уровень влияния США и Англии на политику Италии. Он был излишне эмоционален и слишком оптимистично смотрел на возможность усиления позиций СССР в Италии¹⁷. Не вызывает сомнений, что «реальная политика» Сталина, бесспорно, исходила из факта очевидного деления будущего послевоенного мира на сферы влияния. В первую очередь, Советский Союз был заинтересован в утверждении своих позиций в Восточной Европе, а, следовательно, и не собирался препятствовать праву союзников диктовать условия Италии, в свою очередь, рассчитывая, что и союзники не будут против аналогичного поведения советского командования в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Мы можем предположить, однако, что оптимистичные настроения посла в известной степени объяснялись перспективой (казавшейся тогда реальной) упрочения позиций левых сил в правящем лагере, а также появившейся в итальянских правящих кругах идеей нейтралитетского выбора будущей внешней политики Италии. С этой идеей выступал Пьетро Ненни, национальный секретарь социалистической партии и министр иностранных дел в правительстве Де Гаспери (октябрь 1946 - февраль 1947), а также видный деятель Сопротивления, министр ряда послефашистских правительств и будущий посол Италии в Москве (1947–1951) Манлио Брозио и ряд других политиков. 13 марта 1946 г. посол Кварони вручил Деканозову ноту о намерении Италии не примыкать к политике блоков. В пользу будущего итальянского нейтралитета высказывались и некоторые круги в левом социал-демократическом движении, левом крыле христианско-демократической партии и ряд деятелей в Ватикане¹⁸.

В то же время ряд обстоятельств способствовал нарастанию недовольства советской политикой со стороны итальянского общественного мнения. Речь шла о поддержке СССР военных действий маршала

Тито, оспаривавшего суверенитет Италии над Триестом и примыкавшими к нему зонами. Самая настоящая враждебная кампания против СССР началась в августе 1945 г., когда на Потсдамской конференции советская делегация поставила вопрос о приравнивании мирного договора с Италией к договорам с союзниками Германии — Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. СССР также настоятельно потребовал выплаты Италией репараций, намеревался установить опеку над бывшей итальянской колонией Триполитанией и получил в счет репараций часть итальянского флота. Предметом разногласий между Италией и Советским Союзом стал также вопрос о репатриации итальянских военнопленных. Численность военнопленных, указываемая итальянцами, оспаривалась советской стороной.

Весной 1946 г. нагнетанию недоброжелательного отношения к советской политике послужила речь Черчилля в Фултоне. С целью противодействовать этим настроениям в марте в Италии массовым тиражом более миллиона экземпляров было распространено интервью Сталина, в котором он расценивал фултоновскую речь Черчилля (поддержанную, по словам Тольятти, политическими кругами Италии) как призыв к войне против СССР. Газета «Унита», орган ИКП, напечатала еще миллион экземпляров этого интервью. Видимо, развернутая левыми пропагандистская кампания против отказа от сотрудничества с СССР доказала свою успешность на последовавших в ноябре 1946 г. муниципальных выборах. Советский посол Костылев сообщал из Рима: «Муниципальные выборы в ноябре 1946 года показали полевение масс... Коммунисты вышли на первое место (в Турине вместе с социалистами они получили 60% голосов, в Генуе — 64%, в Ливорно — 76%, во Флоренции — 55%, в Специи — 72%)»¹⁹.

Противостоящий левым лагерь опасался «советизации» Италии. По их мнению, коммунисты и социалисты могли использовать накопленное в ходе партизанской борьбы оружие и советскую поддержку для взятия власти²⁰. Таким настроениям способствовали и носители радикальных взглядов в левом лагере. Тольятти обвиняли в предательстве за отказ от пути революционного завоевания власти и требовали сохранения левых вооруженных формирований для дальнейшей борьбы за установление социалистического строя.

И тем не менее, становление дипломатических, экономических и культурных связей России с Италией заложили прочную основу для будущего сотрудничества. Впоследствии видный итальянский государственный деятель Дж. Андреотти подтвердил значимость этого события: «В тяжелое время для моей родины — после перемирия 1943 года и во время трагического раскола Италии, — быстрое установление дипломатических отношений с Советским Союзом явилось первым шагом, который правительство, рожденное в результате падения фашизма, предпринимало среди почти общего непонимания с целью вновь вывести нашу страну на международную арену»²¹.

Примечания

1. Об этом убедительно свидетельствуют архивы документов внешней политики России, исследованные И.А. Хормач в книге «СССР- Италия и блоковое противостояние в Европе». М.: Институт российской истории РАН, 2005. тт. I, II.
2. После заключения правительством Бадольо перемирия в сентябре 1943 г. министр иностранных дел Раффаэлло Гуарилья по неизвестным причинам так и не выехал вместе со всем кабинетом из Рима в Бриндизи. Поэтому ведение внешних дел было в должности генерального секретаря поручено посланнику Ренату Прунасу, срочно отозванному из Португалии/
3. Советская сторона, однако, не была расположена расширять каналы этих отношений, видимо, опасаясь проникновения «буржуазной идеологии» и предпочитая ситуацию некоторого культурного изоляционизма.
4. Эти попытки не увенчались успехом. Как известно, Сталин в ходе войны отказался от антицерковной политики, а между Русской православной церковью и Ватиканом существовали серьезные разногласия
5. Stephan W.Twing. Miths, Models, and U.S. Foreign Policy: The Cultural Shaping of Three Cold Warriors. London: Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 108.
6. Mercuri L. La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita;/Tribuna biologica e medica. Anno 10 -Vol.10. n/3-4. p. 80,
7. Хормач И. Op.cit. с.23.
8. Mercuri L. La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita;/Tribuna biologica e medica, Vol.10. n/3-4. p. 80,
9. R.Gaja. La svolta di Salerno: una notte a Minori//E.Serra (a cura di). Professione diplomatico. Milano 1988.
10. "Правда" 14 марта 1944 г.
11. Documenti diplomatici italiani. Ser. X. Vol. I.P. 249.
12. Mercuri L. Op.cit. p. 80.
13. Ibid.
14. S.Romano. Prunas, doppio gioco per salvare l'Italia//Corriere della Sera, 30 giugno 2005, p. 33.
15. Хормач. Op.cit. С. 61.
16. АВП РФ. Ф.089.ОП.26.Д.11Л.63-64. Хормач. Op.cit. С. 56
17. Хормач . Op.cit. с. 54.
18. Mercuri L. La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita;/Tribuna biologica e medica, Vol.10. n/3-4. p. 80. См. М. Brosio. Diari di Mosca — 1947/1951. Bologna: Il Mulino, 1986. P.Nenni. La neutralita' e' un problema di oggi/"Avanti!", 26 ottobre 1947.
19. Цит.по: В.П. Любин. Роль Де Гаспери в повороте Италии на Запад в оценке советской дипломатии. http://alestep.narod.ru/lubin/de_gasp_ljubin.htm#
20. См.Per invigilare me stesso : i tacuini di lavoro di Benedetto Croce / Gennaro Sasso. — Bologna : Il Mulino, 1989.
21. СССР — ИТАЛИЯ. Страницы истории. 1917–1984. Документы и материалы. М.: Политиздат. 1985. Документ №96.